

ЮЛИЯ СОРОКА,

кандидат социологических наук, докторант
кафедры социологии социологического фа-
культета Харьковского национального уни-
верситета им. В.Н.Каразина

Отношение к прошлому¹

Abstract

Ukraine is experiencing the transformation of symbolic space including symbols of the past. Such developments are brought up to date by different social agents' needs of self-identification. The past, history and memory are becoming an issue of social and humanitarian disciplines including sociology. The article is devoted to justifying the notion "attitude toward the past" defined as a perception of historical events and persons through adequate, available and legitimate symbols of the past in the course of spontaneous propositions, emotional evaluations, behavioural reactions, and production of cultural texts and opinions. This definition is based on critical analysis of M. Halbwax', P. Nora', P. Ricoeur', Th. Adorno' conceptions about memory and the past. The meanings of the symbol of the past are multiple; individuals use and support these meanings according to their socio-cultural experiences, social positions, access to channels of meanings dissemination. According to data of mass survey, Ukrainian students' attitudes to the past demonstrate positive evaluation of distant historical persons, as well as differentiation of historical persons evaluation with respect to tradition / innovation contrasting and regional discrepancy concerning meaningfulness of the past as a subject matter. However, the forming of common "pantheon" of Ukrainian heroes is also observed against this background.

Неизбежным продуктом взаимодействия индивидов и коллективов по поводу производимых благ, ресурсов, статусных позиций и возможностей

¹ Подготовка данной публикации осуществлена при поддержке программы "Переосмысляя социальное время и пространство: национальная, региональная и локальная парадигмы в преподавании Восточной и Центральной Европы", международный научный семинар Львовского научно-исследовательского центра "Общество пограничья: история и современность", Львовская область, июль 2007 года.

являются различия и неравенства [Новые социальные неравенства, 2006]. Базовая потребность человека и группы — отличаться — проявляется в движении от значимых различий к принципам дифференциации и далее — критериям стратификации.

Наблюдения последнего времени заставляют обратить внимание на различия в отношении к прошлому в украинском обществе. Оценка деятельности исторических фигур, отношение к событиям в историческом прошлом и их интерпретация все чаще артикулируются в контексте политико-идеологических противостояний. Но прежде чем вписывать отношение к прошлому в перечень социально значимых различий, необходимо выяснить основания применения имеющихся теорий и подходов к условиям современной Украины, то есть что означает “отношение к прошлому” с точки зрения социологии, каков набор адекватных объяснительных моделей и подтверждаются ли они конкретными исследованиями, что и составляет цель настоящей работы.

Политизация и проблематизация отношения к прошлому

Одним из следствий социально-экономической стабилизации конца 1990-х годов и подъема самосознания после “оранжевой революции” стало внимание к знакам прошлого в повседневной жизни. Симптомами *политизации отношения к прошлому* стали, в частности, выступления и политические спекуляции вокруг мемориалов и памятников. Выступлениями “против” либо “в поддержку” сопровождалась установка памятников Екатерине II в Одессе, С.Бандере — во Львове, князю Потемкину — в Николаеве. Таинственное исчезновение Памятного знака воинам УПА в Харькове напомнило “войну с памятниками” времен перестройки. Да и сами факты установки памятников, что, очевидно, не может состояться без соответствующего решения органов власти, воспринимаются прежде всего как политико-идеологическая, а не гуманитарная акция.

Актуализация отношения к прошлому стала отличительной чертой предвыборной кампании 2007 года. Партии и блоки призывали “помнить свое прошлое”, по-разному акцентируя представленные в этом слогане смыслы. Так, актуальное *прошлое* артикулировалось как основание идентичности. *Помнить* — значит периодически вспоминать, подтверждать статус достойного памяти человека или события; такой смысл актуализировали призывы к участию в ритуализированных действиях, церемониях коммеморации (митингах, шествиях, других формах почитания героев и жертв). Наконец, *помнить свое прошлое* — означает правильный выбор среди истинных и ложных героев прошлого.

Своеобразной вершиной обращений к прошлому в контексте политических противостояний стали выступления президента В.Ющенко в День памяти жертв голодоморов 23 октября 2007 года в Харькове. Развивая властные инициативы в отношении увековечения памяти жертв трагедии, президент высказался о необходимости создания мемориалов памяти жертв голодомора в Киеве и Харькове. Отмечалась также потребность в изменении самого характера знания и представлений о голодоморе, движения от мифов и замалчиваний к достоверным научным знаниям, документальным

свидетельствам и правде каждой потерявшей близких семьи¹. Тем самым признание жертв голодомора должно стать важнейшим актом самосознания украинской нации, трагедию которой следует расценивать наравне с всемирно признанным Холокостом.

Переходя от целей к средствам их достижения, президент не жалел глаголов долженствования. Он объявил активное и системное проведение в жизнь этих идей *долгом власти* вне зависимости от того, какие настроения и мнения по этому поводу присутствуют в обществе². Это требование, как сказал тогда президент, будет закреплено в законе об уголовной ответственности за отрицание голодомора как геноцида украинского народа, который будет внесен президентом на рассмотрение парламента.

Таким образом, авторитет главы государства связал здесь отношение к прошлому и актуальную позицию индивида во властной структуре (указанные заявления были сделаны на заседании Координационного совета с участием всех глав областных государственных администраций) и в социальном пространстве в целом. Иными словами, отношение к прошлому — это уже не личное дело каждого, а изучение украинской истории не заканчивается оценкой за школьный или вузовский курс, теперь оно непосредственно связано с настоящим и будущим и максимально политизировано.

Однако актуальность данной темы не исчерпывается ее востребованностью в рамках политической риторики. *Внеполитические формы проблематизации* истории и прошлого в украинском обществе также присутствуют, хотя реже попадают на глаза журналистов и на телеэкраны. Они чаще связаны с *локальными историями*: промышленного предприятия, региона или области, отдельной институции и отмечены празднованиями, публикациями и дискуссиями “местного значения”, но не только. Приписывание значимым событиям атрибутов “исторического” дискурса (“первый украинский”, “старейший в Украине”, “история украинского...” и т.д.) предполагает легитимацию не только в рамках “локальной истории”, но и в рамках истории Украины, хронологические, территориальные, событийные и т.п. рамки которой не во всем пока очевидны обыденному мышлению.

В том же 2007 году автоспортивная общественность в Украине обсуждала вопрос о том, можно ли считать состоявшуюся 100 лет назад (8 сентября 1907 года) автомобильную гонку (пробег) Одесса–Николаев–Одесса днем рождения автоспорта в Украине³. Эти соревнования были первыми в своем роде в Российской империи, что является общепризнанным фактом. Отношения преемственности между современными соревнованиями и пробегом 100-летней давности также были установлены авторами цитируемой статьи

1 “Давайте мы увидим не миф, не легенду вчерашнего дня, а правду, которая коснулась каждой семьи”, — сказал президент // Пресс-служба Президента Украины Виктора Ющенко, 17:50 23 ОКТЯБРЯ 2007.

2 “Святым делом должно быть достойное увековечение голода. Это обязанность власти, независимо от того, понимает это громада или нет”, — сказал президент в интервью харьковским тележурналистам (см.: <<http://news.mediaport.info/city/2007/46145.shtml>>).

3 Некрасов В. Пробег через 100 лет. — <<http://www.autocentre.ua/article/11670.html>>.

без особых затруднений¹. Значительно больше вопросов участников Интернет-форума вызвала привязка обсуждаемого события к украинской истории. Страна проведения соревнования — Российская империя; участники пробега — французы и жители Одессы; автомобили — итальянские и немецкие; организаторы — градоначальник Одессы и фирмы-производители автомобилей; язык источника информации (газета “Одесские новости”) — русский. Не обнаружив здесь привычных (номинальных, этнических или дискурсивных) “атрибутов украинского”, участники обсуждения остановились на вопросе о достаточности и обоснованности территориального критерия *символической* точки отсчета истории автоспорта в Украине.

Таким образом, актуальность анализа отношения к прошлому не ограничивается политизацией, использованием образов прошлого в качестве символических маркеров в политических противостояниях. Она, на мой взгляд, связана с более широким контекстом социокультурных процессов в украинском обществе, продолжающем конструировать свои символические основания, в том числе и в историческом контексте.

Отношение к прошлому: между историей и памятью

Обращение к прошлому, его периодическая актуализация, способность “его снова “спрашивать” и заново интерпретировать “ответы””, как отмечает Б.Дубин [Дубин, 2007 б], относятся к признакам и условиям здорового воспроизводства общества. Это означает непринятие монополии исторической науки на формирование и распространение представлений о прошлом, видения проблемы “прошлого” как междисциплинарной и необходимость использования *специальных понятий*, обеспечивающих возможность такого видения. Иными словами, данная проблематика требует понятийного ряда, позволяющего связать социокультурные явления, индивида и группу в их актуальном, “современном” состоянии — с одной стороны и историю, прошлое — с другой. С этим связано обращение к понятию *памяти*, которое, как показал *Морис Хальбвакс*, не ограничивается индивидуальным сознанием и тяготеет к дисциплинарным рамкам психологической науки [Хальбвакс, 2005].

Отталкиваясь от “воспоминаний”, Хальбвакс обосновывает их групповые формы существования и распределения, то есть *коллективную память*. Она существует благодаря относительной открытости индивидуальной (автобиографической) памяти для внешних впечатлений, воспоминаний близких, членов группы, а также благодаря непрерывности жизни группы, объединенной вокруг общего интереса. Образы значимых событий прошлого, сформированные переживаниями очевидцев и транслируемые через “живой и непосредственный контакт” [Хальбвакс, 2005], конституируют группу и обеспечивают непрерывность ее существования. Истощение этих образов, потеря значимости событий сигнализируют о разрыве традиции и разрушении группы. При этом изменение набора значимых событий и обра-

¹ В современной терминологии гонка должна была бы классифицироваться как ралли: есть раздельный старт, хронометраж на финише, экипажи из двух человек. Отсутствие “легенды” при заданных начальном и конечном пунктах соревнования позволяет авторам статьи уточнить свой вывод и назвать ее ралли-рейдом.

зов прошлого, забвение и преобразование памяти обозначают собой изменение группы.

Различные группы общества культивируют различные памяти, которые в своей совокупности составляют память общества, или *социальную память*. И хотя Хальбвакс использует данное понятие без кавычек, это скорее метафора, отражающая сложное сочленение конечных жизней отдельных групп и непрерывности жизни общества, функцию поддержания непрерывности жизни социального целого посредством мнемонических практик.

Историческая память, отождествляемая с историей, завершает ряд предлагаемых Хальбваксом понятий и, с его точки зрения, является не совсем удачным конструктом. Объективированная в специальных текстах, история отвечает потребности общества отразить изменения, которые с ним происходят. В этом принципиальное различие содержания исторической и коллективной памяти, где последняя ориентирована на сходства и поддержание самоидентичности группы¹.

Однако соблазняющие глубиной интуиции и открывающимися перспективами анализа, категории Хальбвакса нуждаются в дальнейшей интеграции в систему категорий описания группы, социокультурной обусловленности сознания, а также в детальной операционализации. Наиболее значимыми здесь являются концепты идентификации (и идентичности), институционализации (и легитимации) и власти (прежде всего символической власти), что определило и последующие дискуссии².

В перспективе категорий Хальбвакса *отношение к прошлому* может быть понято как функция памяти группы, к которой принадлежит индивид. Базовые оценки событий и персонажей прошлого, таким образом, координированы на групповом и социальном уровне актуальной идентификации. Они несут в себе информацию о социальной позиции группы и следы “предшествующих символических битв” П.Бурдьё по поводу признания “групповых” героев и событий “историческими”, то есть значимыми для всего общества.

Пьер Нора конкретизирует проблематику памяти, помещая ее в пространство социально-исторических изменений французского общества второй половины XX века и — шире — современного общества. Он рассматривает условия актуализации памяти, предпосылки “мемориальной эпохи”, когда *верность прошлому* прочно увязывается с чувством принадлежности к сообществу, коллективным и индивидуальным сознанием, памятью и идентичностью [Нора, 2005]. Такой подход позволяет типологизировать отношение к прошлому в связи с социально-экономическими, идеологическими, социокультурными процессами, переживаемыми данным обществом, распознавать его по ряду ведущих симптомов.

“*Традиционное*” (по выражению П.Нора) отношение к прошлому характеризуется историческим самосознанием, монополией историка, исторической науки на интерпретацию прошлого. На этой основе формируется единый смысл прошлого, великая “история родины, заслуживающей, чтобы ей жертвовали жизнью” [Нора, 2005]. Сакральная история заменяет собой

¹ В ряду понятий, начатом Хальбваксом, кроме исторической памяти можно указать также культурную память и национальную память; разграничения между ними не всегда четкие (см., напр.: [Ассман, 2004]).

² См., напр.: [Olic, Robbins, 1998].

религиозный катехизис и становится легендой, мощным двигателем интеграции и сплоченности национального сообщества. Памяти групп, вернее, меньшинств (Нора называет в данном случае рабочих, евреев, монархистов, бретонцев, корсиканцев, женщин) занимают подчиненную позицию в этой схеме традиционной (французской) идентичности. Здесь “лицо” прошлого зависит от целей будущего, которые могут быть поняты как реставрация прошлого, прогресс или революция. Ориентация на одну из этих схем позволяет организовать события в исторический нарратив, а с другой стороны, определяет ее (истории) телеологический характер.

“Ускорение истории”, преобладание в современном обществе процессов изменений над устойчивостью делает будущее неопределенным, нарушает линию связи прошлое–настоящее–будущее, лишает прошлое опоры в будущем и налагает на настоящее “долг памяти”, как отмечает Нора. Память успешно конкурирует с историей, а в некоторых случаях вытесняет ее и становится центральной идеей *нового* отношения к прошлому: именно память должна помочь рефлексирующему настоящему отыскать свою идентичность. Важно понять, что обращению к памяти предшествует осознание разрыва связи с прежним миром, его потери. Эффект “аккумуляции” связан с ощущением утраты и ведет к “раздуванию” функции памяти, гипертрофии ее учреждений и орудий (музеев, архивов, библиотек, коллекций, компьютерных каталогов, банков данных, хронологий и т.д.) [Нора, 2005].

Другой предпосылкой *господства памяти* как отношения к прошлому является “демократизация” истории, широкое движение эмансипации в современном мире, затрагивающее как народы и этносы, так и группы и отдельных личностей. Нора раскрывает этот процесс через идею о трех видах деколонизации: всемирной, связанной с распадом колониальных империй; внутренней, свойственной западным обществам и связанной с эмансипацией меньшинств (сексуальных, религиозных, региональных и др.); наконец, идеологической, связанной с обращением освободившихся народов к искажавшейся либо запрещававшейся традиционной памяти (сюда Нора относит Россию, Восточную Европу, Балканские страны, Латинскую Америку и Африку). Память здесь неожиданно приобретает “престиж демократии и протеста” [Нора, 2005] по сравнению с историей, находящейся в руках власти и ученых.

Смена типов отношений к прошлому связана также с изменениями актуальной модели социального времени, в частности — с отказом от *революционной модели времени*. Во Франции, как отмечает Нора, конец революционной идеи был связан с идейным крахом марксизма, дискредитацией Советского Союза и упадком коммунистической партии (хотя, вероятно, это не все предпосылки). Идея революции включала волю к разрыву с прошлым, готовность отменить, запретить или уничтожить те его следы и остатки, которые не пригодятся в будущем. Противоположностью разрыву стала реабилитация традиции, причем такой, что навсегда утрачена и потому драгоценна. Революционную модель времени сменяет *культ традиции*, историческое самосознание превращается в социальное сознание вспоминающих сообществ.

Таким образом, *понятия истории и памяти* ассоциируются с двумя стратегиями конструирования и использования прошлого, характеризующимися различными состояниями социокультурного целого. Смешение, механическое соединение этих понятий, например определение историчес-

кой памяти как массового знания о прошлом социальной реальности [Савельева, Полетаев, 2003], непродуктивно и приводит к запутыванию ситуации исследования, фактически нейтрализуя аналитический потенциал того и другого понятия.

Отношение к прошлому в современном обществе можно понять как *присвоение* (апроприацию), превращение прошлого в наследие (heritage) как следствие осознания разрыва с ним, отмечает Д. Лоуэнталь [Лоуэнталь, 2004]. Мотивы такого обращения разнообразны: понимание, обогащение, бегство — но центральным является потребность в идентификации. Актуализация прошлого затрагивает разнообразные формы знания о нем, включая историческую науку, и способы его использования (туризм, медиа, образование), ориентированные на события и материальные следы прошлого, которые в большей степени осознаны массовыми представлениями как предмет исторического изменения.

Поль Рикер обращает внимание на “историческое состояние”, то есть переживание неудобного, часто *непереносимого прошлого*, осмысленного в его связи с актуальным состоянием общества [Рикер, 2004]. Функционирующая на социальном уровне и подчиненная задачам коллективной идентичности, память подвергается идеологической манипуляции, “злоупотреблениям памятью”, “злоупотреблениям забвением”. Об опасностях использования прошлого в нравственной и политической сферах говорит и П. Нора: эмансипация группы, одушевляющая и сакрализирующая ее память, может перерасти в свою противоположность, ориентировать на замкнутость, исключение, превращать память в орудие войны [Нора, 2005].

Иными словами, использующее память в обосновании своей идентичности сообщество также оказывается перед перспективой активного конструирования, переосмысления, ревизии прошлого. Будучи рассмотренными в пространстве множественности сообществ и их памятей, эти стратегии конструирования с необходимостью конкурируют, подвергаются критике и нравственному анализу¹.

Отношение к прошлому: определение понятия

В рамках *социологии знания* прошлое определяют как особый тип социальной реальности, исключая непосредственное к нему обращение и данный нам посредством объективаций [Савельева, Полетаев, 2003]. Любое описание человеческих действий оказывается описанием прошлого, поскольку действия имеют моментальный характер и уже совершены к моменту рассказа. Способность же людей называть события произошедшими в прошлом, приписывать им этот статус связана с переживанием различия или тождества предмета обсуждения и актуальной реальности, современности.

Конструкция прошлой реальности (прошлое) определяется конструкцией настоящего и его задачами. В частности, задачи развития, изменения, а также осознание происходящих изменений активизируют обращение к прошлому как в форме специализированного знания (истории), так и в форме массовых знаний о прошлом, повседневных и профессиональных (филологических, религиозных, идеологических, общественно научных). Внимание

¹ Наблюдения за подобными процессами привлекали внимание Т. Адорно (см.: [11]).

в этом случае уделяется образам прошлого и специфическим источникам о прошлой реальности — в противовес той части прошлого, которая является частью настоящего.

На это обращает внимание М. Оукшот, который выделяет три типа прошлого. Практическое, утилитарное прошлое является частью настоящего (“Дома, в которых мы живем, книги, которые мы читаем, изречения, которые мы повторяем” [см.: Савельева, Полетаев, 2003: с. 227]). Второе прошлое — зафиксированное — образуют продукты человеческой деятельности, воспринимаемые, как созданные в прошлом (раритеты, антиквариат). Прошлое третьего типа — сконструированное — физически не присутствует в настоящем, представлено в сознании и воображении посредством исторических текстов, разнообразных свидетельств, искусства, медиа и т.п. Иными словами, для событий и персонажей быть частью прошлого, обладать статусом “прошлого” (а не, например, старого, устаревшего) означает быть социально воспринимаемыми в соотнесении с образом прошлого, в категориях прошлого. Таким образом, приобретение этого статуса событием или персонажем зависит не от количества лет, отделяющих их от актуального настоящего, а от наличия сконструированного и легитимного образа события и персонажа и смыслов, признанных значимыми в категориях прошлого.

Такое видение помещает в центр внимания *символическую работу* социокультурного целого по созданию и организации прошлого, поддержанию и воспроизводству актуальной его картины либо ее реформированию, переформулированию. Умерший человек превращается в знак, как отмечает М. Ямпольский, читая рассуждения Жоржа Батая о жертвоприношении [Ямпольский, 1991]. Так же и события, уходя из настоящего, становятся знаками текста прошлого, интегрируются в его образ и обретают бессмертие в адекватной интерпретации. При этом бесчисленные факты и лица, излишние или не вписывающиеся по смыслу в актуальные синтагмы прошлого, подвергаются забвению. Аналогичные процессы происходят и с вещами, одни из которых отправляются в музей, а другие — на свалку, что не исключает, между тем, их путешествия в обратном направлении.

Иными словами, “работа памяти” (словами Рикера), проработка прошлого (в категориях Адорно), как и процессы исторического самосознания и социальной памяти, — это “работа” над символами и значениями. Это работа культуры, где интерпретация того или иного знака определяется в соотношении с базовыми ценностями культуры, а воля коллективов, отдельных личностей и власть институтов являются лишь аспектами этого процесса. Путь обретения знаком, в который обратились прошедшие события и персонажи, интерпретации и символического места в картине прошлого — это борьба интерпретаций, борьба за интерпретации, перспективы которой связаны с интересами и социальной силой интерпретирующих агентов, или один из аспектов символической борьбы.

Итак, *отношение к прошлому* можно определить как *совокупность значений тех или иных символов (знаков) прошлого*, воспроизводимых индивидами посредством спонтанных высказываний, эмоциональных оценок, культурных текстов (дневники, письма, мемуары и др.), разнообразных поведенческих реакций (в том числе участия в комеморативных практиках и ритуалах), а также мнений, выясняемых специальными исследовательскими процедурами.

Значения символов прошлого принципиально множественны, доступ к конкретным значениям обусловлен социокультурным опытом индивида, его позицией и доступом к каналам распространения этих значений. С этой точки зрения, отношение к прошлому — это **восприятие исторических событий и персонажей**, где опосредующими селективный процесс фильтрации выступают адекватные и доступные с позиции индивида символы прошлого. Принимаемые и легитимизированные символы, таким образом, определяют отношение, или уже — оценку, которую индивид может дать историческому событию или персонажу. Такой подход позволяет в теоретической конструкции “отношение к прошлому” учесть возможности “мертвых зон” или “слепых пятен” в восприятии каких-либо исторических событий, а также процессы “миграции” таких зон¹.

Для определения *характера отношения к прошлому* оказываются важны не только значения и символы, приписываемые отдельным событиям и персонажам, но и технологии символизации, характеризующие конкретные модели прошлого, модели памяти и исторического сознания. Так, для “исторического самосознания” (в понимании Нора) с его монополией историка и интересов национального государства на создание образа прошлого актуальны символы **величия, подвига, героизма**, а также разделение и *иерархия символов* официальной национальной истории и неофициальных групповых памятей. Референтом доминирующих символов здесь является национальное государство, общество в целом, а ведущей формой репрезентации — монументальные сооружения, памятники, официальные комеморативные мероприятия (государственные праздники).

Для эпохи “демократизации истории” (в категориях Нора) характерно *преодоление иерархии* общезначимых и локальных, или неофициальных символов прошлого; их отношения из вертикальных тяготеют к горизонтальным. А в контексте эмансипации разнообразных сообществ и групп особое значение приобретают символы **травмы, трагедии, страданий, жертвы**. Это не означает исключения, например, символов героизма из арсенала символической политики: постепенно обнаруживаются герои с новой референцией (локальные, групповые), но этот процесс требует значительно больше времени. Расширяется (прежде всего за счет локальных сообществ, заинтересованных групп) перечень агентов символического производства, изменяется эстетическая парадигма мемориальных сооружений (одна из тенденций в данном случае — движение от безличного пафоса к персонификации, непосредственности переживаний).

Спаянность, сочлененность проблематик отношения к прошлому, социокультурных изменений и идентичностей заставляет особое внимание обращать на *характер групп* (сообществ), имеющих тенденцию активно вступать в символическую борьбу за прошлое. В контексте задач операционализации понятия “отношение к прошлому” могут возникать определенные вопросы. Какие из групповых принадлежностей в условиях актуализации памятей наиболее значимы для индивида: группы первичной или вто-

¹ Об этих процессах пишет Б.Дубин, анализируя отношение в современной России к событиям 1990 года. В частности, уход со сцены советского общества как активного субъекта коллективного сознания “стирает из памяти” общества и связанные с этим события (см.: [Дубин, 2007 в]).

ричной социализации — территориальные или этнические, профессиональные или гендерные, стилевые и т.д.? С моей точки зрения, прямой ответ на эти вопросы возможен лишь при анализе конкретной ситуации, однако актуализированные в данном контексте группы или сообщества будут иметь общие характеристики. Группа должна осознать перемены как разрыв с прошлым, а символы прошлого — как ресурс интеграции и идентификации группы и ее включения в символическую борьбу. Если, как утверждают С.Макеев и А.Патракова [Макеев, Патракова, 2004], оценка трех модусов времени в период травмирующих перемен имеет “первостепенное значение среди конституирующих установки и ориентации индивидов параметров”, то актуализация памяти и символов прошлого происходит в иных условиях. Так, в отличие от пессимистических настроений на фоне неудовлетворенности складывающимися условиями жизни, стратегий возврата к старым принципам взаимодействия, также связанным с обращением к прошлому, актуализация памяти является следствием принятия изменений и освоения актуализированных, ставших доступными благодаря изменениям символических средств и стратегий (в данном случае — символов прошлого).

Отношение к прошлому и использование прошлого

Применение обозначенной выше трактовки понятия “отношение к прошлому” к анализу процессов современного украинского общества должно учитывать ряд особенностей использования прошлого и отношения к прошлому.

Возникновение и становление независимого украинского государства, безусловно, является ведущим фактором символических трансформаций. По сути, речь идет о возникновении *украинского государства как нового субъекта символического конструирования*, что неизбежно означает необходимость переформулирования значимых для общества и отдельного индивида символов в новых категориях. И эти процессы разворачиваются также в сфере осмысления прошлого, истории, памяти. Интересы независимого украинского государства в сфере символического актуализируют, создают и другие субъекты символического конструирования (локальные, территориальные, отдельные организации, движения, политические партии и т.д.). Процессы изменений в сфере доминирующих символов (государственные символы, государственный язык, государственные праздники и т.д.) неизбежно влияют на позиции в символическом пространстве отдельных сообществ и групп (усиливают, нейтрализуют, ослабляют, усложняют и т.д.). Яркий пример этого — дискуссии и выступления по языковому вопросу, о статусе русского языка и т.п.

Вместе с тем наблюдаемые тенденции эмансипации групп символических интересов и более широкий контекст политических, экономических, социальных трансформаций постсоветского периода в Украине не дают достаточных оснований для применения аналитической модели Пьера Нора, различающего эпохи “исторического самосознания” и “торжества памяти”. С моей точки зрения, современная ситуация символического конструирования прошлого в Украине демонстрирует *наложение тенденций “доминирования истории” и “доминирования памяти”*. Мы наблюдаем активные шаги государства с опорой на авторитет исторической науки (например, в упоминавшейся выше тематике Голодомора) и соответствующие им мемориальные стратегии и стилистику репрезентаций (скажем, установка монумента

ментов, введение общегосударственных дней памяти). С другой стороны, практика установления памятников демонстрирует мемориальные тенденции разнообразных групп интересов вне политического поля (например, “Футбольный мяч” в Харькове или скульптуру Джона Юза в Донецке [Михеева, 2006]). Формируются и другие внеполитические группы символических интересов (альтернативные варианты идеологизированной памяти [Портнов, 2007]) в отношении прошлого, связанные с туризмом, культурной индустрией, отдельными сферами деятельности. Иными словами, исследование должно учитывать возможности активной роли субъектов как общегосударственного, так и локального уровней, как институционализированных групп, так и временных объединений, властных институтов, научных организаций, отдельных индивидов и т.д.

Другим аспектом специфики украинской ситуации в отношении к прошлому являются *региональные различия*. Неоднородности социокультурного пространства украинского общества (языковые и культурные, исторические, природно-географические, экономические и т.д.) влияют на то, как переживаются и осмысляются населением постсоветские трансформации, какие средства символической борьбы актуализируются и в какой степени. Следует учитывать, какая из моделей отношения к прошлому (основанная на истории или памяти) является в конкретном регионе доминирующей. В частности, многие различия в отношении к прошлому Востока и Запада Украины связаны с не утрачивающей актуальности на Востоке революционной моделью времени (в категориях П.Нора) и ориентацией на символы и стилистику репрезентации, свойственную официальной истории. Поэтому, на мой взгляд, на Востоке слабо поддерживаются символы жертвы и травмы, а на Западе отторгаются символы величия и подвига. Связь же этих реакций с “российско-советской” либо “украинской” парадигмами (нарративами) историографии, на чем настаивает, например, В.Середа [Середа, 2006], обусловлена не столько укорененностью соответствующей парадигмы в региональном историческом сознании, сколько использованием самими этими парадигмами соответствующих технологий символизации. Это, в силу рассматривавшихся выше причин, определяет степень значимости для населения отдельных регионов отношения к прошлому как одного из аспектов социальных представлений (что выражается и в готовности отвечать на вопросы об исторических личностях или в степени осведомленности об исторических событиях), и лишь затем — воспроизводство определенных значений символов прошлого (что выражается уже в оценке деятельности конкретных исторических личностей и событий).

Важным аспектом отношения к прошлому в современной Украине является “*российское влияние*”, а точнее — реакция на существенные различия в доминирующих актуальных стратегиях использования прошлого в России и Украине. Благодаря близости культур и языков, билингвизму и доминированию русского языка в повседневном общении значительной части населения, открытости украинского информационного пространства для русскоязычных медиа и другим факторам, украинские зрители оказываются “интерпретирующей аудиторией” и реципиентом “российского опыта”, в частности тех процессов изменения отношения к прошлому, прежде всего — советскому,

что фиксируется многими исследователями¹. Здесь центральным элементом содержания становится идеализация советского (“брежневского”), а конструирующим принципом — социальное упрощение, репродукция посредством вытеснения памяти об изменениях, ценность порядка и стабильности [Кустарев, 2005; Тарощина, 2008; Дубин, 2005; Дубин, 2006 а, б; Дубин, 2007 а].

Отношение к прошлому украинских студентов: актуальные конфигурации символов прошлого

Подытоживая обзор теории и анализа практики использования прошлого в украинском обществе, можно сказать, что наиболее заметной, отработанной объясняющей схемой является сейчас метафора различий, иногда драматизируемых до “раскола”. При этом время и пространство (в образах прошлого и региональных различий) как бы отражаются друг в друге, перетекают одно в другое, замыкаются друг на друге. Это свидетельствует о дефиците объяснительных конструкций, а также упрощенности символических моделей, закладываемых в основание анализа. Реальность дает более сложные сочетания, в том числе и рассмотренных выше базовых символов “украинское” и “советское”, что подтверждается расширением базы анализа и сравнения, в том числе межрегионального².

Эта точка зрения обнаруживает подтверждение при анализе предпочтений и оценок современным украинским студенчеством исторических фигур и деятелей прошлого. Приводимые ниже данные были получены в ходе исследования “Вища освіта як фактор соціоструктурних змін: порівняльне дослідження посткомуністичних суспільств”, проводимого кафедрой социологии Харьковского национального университета им. В.Н.Каразина под руководством Л.Сокурянской. В процессе анкетного опроса студентам предлагалось оценить исторические фигуры как героев или антигероев³. Студенческая аудитория представляет особый интерес в контексте исследований отношения к прошлому по нескольким причинам. Молодежь — наиболее перспективный сегмент целевой аудитории стратегий конструирования символического пространства украинского общества. Советское прошлое уже не является объектом их личного опыта, представлено только опосредованно — через общение в семье, кругу близких и специфические культурные продукты и практики (фильмы, рекламу, учебники, книги, памятки, ритуалы, комеморативные мероприятия и т.п.). С этой точки зрения был сформирован перечень исторических фигур, которые студентам предлагалось оценить: Бандера, Петлюра, Сталин, Мазепа, Ленин, Хмельницкий. А персонажи близкой по хронологии советской истории (например, Хрущев, Брежнев, Щербицкий) не были включены в опросник.

1 О том, что смотреть российское телевидение и разделять его ценности — это не одно и то же (на примере Литвы), см.: [Малокевичюс, 2007].

2 С этой точки зрения интересен вариант социального сознания на Буковине, мирно сочетающий украинскую идентичность и позитивное отношение к советской истории.

3 Опрос проводился в феврале–мае 2007 года среди студентов IV курсов 31 вуза в четырех регионах Украины (Центр, Восток, Запад, Юг); выборка (N = 3057) простая районированная; погрешность выборки не превышает 2%.

Формулировка вопросов к респондентам была лишена упоминаний о событиях, с которыми ассоциируются исторические фигуры, а значит и “подсказок” в пользу какой-либо из историографических парадигм, версий истории (например, украинской или советской). Имена исторических персонажей фигурируют здесь как символы, знаки прошлого, а результаты их оценки респондентами позволяют говорить не столько об уровне и характере исторических знаний (сознания), интериоризации определенных традиций конструирования истории, сколько о *кумулятивном эффекте стратегий разнообразных институций и агентов, апеллирующих к прошлому*. Расценивать результаты в таком ключе позволяет содержащийся в вопросе акцент на личное мнение респондента и отсутствие указания какой-либо иной инстанции оценки (например, “для истории Украины”, или “украинского народа”, “отечественной истории”, “нашей истории” и т.д.). С той же целью в вопросах использовалась универсальная категория “герой”, которая приемлема как для академического, так и для политического и повседневного дискурса прошлого. С другой стороны, понятие “герой” как культурная категория (в том числе категория массовой культуры: герои фильмов, телесериалов, литературы или компьютерных игр хорошо известны молодежной аудитории), блуждающая в контекстах “положительный–отрицательный” и “главный–второстепенный”, также способствует широкой трактовке вопросов исследования. Иными словами, тезис о “виртуальном сосуществовании с прошлым”¹ для молодежной студенческой среды представляется наименее проблематичным, поэтому эта аудитория представляет интерес для проверки гипотез несовместимости нынешней советской версии прошлого и региональных различий в отношении к прошлому (общие результаты опроса представлены в табл. 1).

Таблица 1

Оценка исторических фигур как героев или антигероев, %, N = 3057

Исторические фигуры	Герой	Трудно сказать	Антигерой	Не знаете такого	Не ответили
Богдан Хмельницкий	79,2	11,6	3,1	1,4	4,7
Иван Мазепа	56,8	23,2	10,7	3,4	5,9
Симон Петлюра	31,0	37,5	16,1	9,7	5,7
Степан Бандера	30,9	34,1	19,6	10,1	5,2
Владимир Ленин	26,0	27,8	38,7	1,7	5,7
Иосиф Сталин	13,4	18,9	60,8	1,6	5,3

Лидирующие позиции в статусе “героя”, по результатам опроса украинских студентов, занимают Хмельницкий (79,2%) и Мазепа (56,8%). Максимальное признание как “антигерой” получает Сталин (60,8%). Петлюра и Бандера оказались наиболее сложными для определения фигурами, лидируя по показателю “трудно сказать” (37,5% и 34,1% соответственно). Иерархия исторических “героев” обнаруживает преимущественные симпатии к украинским персонажам по сравнению с советскими. Хмельницкого называют героем более двух третей опрошенных, Мазепу — больше половины,

¹ В категориях Ж.Делеза, память — виртуальное сосуществование [Делез, 2000].

Бандеру и Петлюру — около трети, Ленина — около четверти опрошенных, а Сталина — вдвое меньше, чем Ленина. При этом Хмельницкий и Сталин, которые могли соотноситься с советской версией прошлого, удостоились противоположных оценок. Вероятно, героев выбирают по этнонациональному признаку, что отчасти подтверждается результатами корреляционного анализа. Среди тех, кто в полной мере ощущает себя “представителем своей национальности”, Хмельницкого считают героем 85,5%, а среди тех, кто не ощущает себя таковым, — 75,5%¹. Первые признают Сталина героем в полтора раза реже, чем вторые (13,2% против 22,8%). При этом значимых связей с идентификацией с гражданами Украины не наблюдается.

Группа украинских исторических фигур дифференцируется по степени поддержки их в качестве героев. Для Хмельницкого и Мазепы “рейтинг героя” превышает “рейтинг антигероя” в 7 и 5 раз соответственно. В оценке Бандеры и Петлюры мнения разделились не столь определенно: показатель “трудно сказать” в этих случаях выше, чем по другим вариантам ответов, хотя готовых признать их героями в 2 раза больше, чем сторонников противоположного мнения. Как видим, неоднозначность оценок делит “украинских героев” по хронологическому признаку: чем “старше” персонаж, тем больше для него вероятность быть названным героем; чем ближе он во времени к настоящему, тем больше поводов для сомнений.

Таким образом, представленные перечнем исторических фигур персонифицированные символы украинского прошлого, по результатам опроса студентов, оказываются дифференцированными. Вместе с тем обоснование характера и факторов этих различий через обращение к актуальным идеологическим (политическим или академическим) контекстам не является, на мой взгляд, исчерпывающим. Речь должна идти о *внутренней неоднородности находящегося в становлении украинского символического пространства*, в том числе украинского прошлого как одного из его “сегментов”. В данном случае можно перенести на символы прошлого идеи о связи символа и культуры, высказываемые Ю.Лотманом [Символ, 2001]. Символ связан с памятью культуры и пронизывает ее хронологические пласты, обладая между тем длительностью собственной культурной жизни и реагируя на воздействия актуального культурного контекста. То есть оценки исторических фигур как персонифицированных символов прошлого соотносимы с различными хронологическими пластами украинской культуры. Для массового сознания символы прошлого и их оценки (например, “Ленин-герой”, “Бандера-герой”) неоднородны с точки зрения их семантической и “публичной” карьеры и их поддержка требует различной культурной компетенции.

В качестве одного из индикаторов характера культурной компетенции, востребованной различными символами и их оценками, рассматривался пол респондентов, оценивающих исторические фигуры. Преобладание мужского выбора в поддержке символа прошлого свидетельствует о преимущественно политическом характере этого выбора (здесь я опираюсь на идеи П.Бурдые [Бурдые, 1993 а, б]). Отсутствие статистически значимых различий между долей мужской и женской аудитории, выбирающей вариант оценки, а также преобладание доли женской аудитории говорит о преимущественно этическом характере выбора. В контексте данного исследо-

¹ Различия статистически значимые на уровне 1%.

вания оппозиция политический–этический может быть трансформирована в оппозицию инновационный–традиционный. Введение этой оппозиции в качестве измерения символического пространства украинского прошлого позволяет представить его подвижным через обнаружение “следов” изменений в отдельных оценках, которые и воплощаются в характере культурной компетенции, востребованной той или иной оценкой.

Таблица 2

**Различия в оценках исторических фигур,
данных женщинами и мужчинами, %**

Исторические фигуры	Герой		Трудно сказать		Антигерой		Не знаю такого		N	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Хмельницкий	83,12	83,06	11,28	12,93	3,79	2,84	1,81	1,18	1268	1617
Мазепа	62,83	58,26**	21,34	27,41*	11,67	11,01	4,16	3,32	1251	1596
Бандера	37,77	28,4*	29,61	41,34*	23,44	18,00*	9,18	12,02*	1263	1606
Петлюра	35,67	30,84*	34,96	43,88*	18,68	15,42**	10,69	9,86**	1253	1602
Ленин	27,17	27,83	25,10	33,21*	45,82	37,27*	1,91	1,69	1255	1599
Сталин	16,18	12,40*	17,84	21,68**	64,16	64,36	1,82	1,56	1261	1605

* Различия статистически значимы на уровне 1%.

** Различия статистически значимы на уровне 5%.

В поле преобладания “женского выбора” (табл. 2) оказываются оценки “трудно сказать” таких исторических фигур, как Мазепа, Бандера, Петлюра, Ленин, Сталин, а также вариант оценки Бандеры как “неизвестного”¹.

В поле “инновационного” выбора оказываются такие оценки персонафицированных символов, как “Мазепа-герой”, “Бандера-герой”, “Бандера-антигерой”, “Петлюра-герой”, “Петлюра-антигерой”, “Петлюра-неизвестный”, “Сталин-герой” и “Ленин-антигерой”.

В поле “традиционного” выбора, где доли ответивших женщин и мужчин статистически равны, оказываются такие оценки, как “Ленин-герой” и “Ленин-неизвестный”, “Сталин-антигерой” и “Сталин-неизвестный”, “Мазепа-антигерой” и “Мазепа-неизвестный”, а также “Хмельницкий-герой”, “Хмельницкий-антигерой”, “Хмельницкий-неизвестный”.

В контексте оппозиции инновационность–традиционность интересно сравнить оценки фигур Ленина и Сталина. В поле традиционного выбора оказываются противоположные их оценки: “Ленин-герой” и “Сталин-антигерой”, причем первую поддерживают почти втрое реже, чем вторую. Вместе с тем оценки “Ленин-антигерой” и “Сталин-герой” требуют известной смелости и уверенности, то есть оказываются в поле инновационного выбора, и при этом поддержка первой из этих оценок более чем вдвое сильнее, чем второй. Ленин и Сталин — символы советской истории, но с разными “карьерями”. Развенчание культа личности Сталина сопровождалось реканонизацией Ленина, который и так не сходил с идеологического Олимпа советского мира. Переоценка образа Ленина была инициирована только перестройкой и до сих

¹ Имеется в виду частота выбора варианта “не знаете такого”.

пор не завершена. Отсюда слабая поддержка “Ленина-героя” в оценках украинских студентов, вероятно, связана со следами советского, социалистического образа прошлого. Заметную и уже традиционную поддержку оценки “Сталина-антигероя” можно объяснить наряду с антисталинистской идеологией 1960-х и времен перестройки еще и актуализацией проблематики голодомора 1933–1937 годов в Украине. Относительно слабая, но инновационная по своему характеру поддержка геройского статуса Ленина и Сталина, очевидно, связана с влиянием современного российского дискурса советского прошлого, и наивысшие показатели эти оценки имеют в Восточном регионе.

Деятели ближайшей по хронологии украинской истории — Бандера и Петлюра — в обоих статусах оказываются в поле инновационного (политического) выбора. Это связано с двумя факторами: с “заполитизированностью” этих фигур, а также с дефицитом культурных репрезентаций этих образов (от детских книжек и художественных фильмов до названий улиц) в масштабе страны в целом. Можно сказать, что это две стороны одного фактора, поскольку культурные репрезентации для массовой целевой аудитории — памятники, топонимы, музеи и т.д. — для их возникновения и существования требуют политической (и чаще всего государственной) воли. Кроме того, в отличие от Ленина и Сталина, ни Бандера, ни Петлюра как символы украинской истории не могли бы рассчитывать на поддержку в советском или современном русскоязычном символическом пространстве (в художественном и документальном кино, на телевидении и т.п.), поскольку не актуальны для него и не обладают потенциалом для позитивной оценки. По результатам опроса студентов, взвешенная и традиционная оценка этих фигур выражена позицией “трудно сказать”. Между тем количественный перевес оценки Петлюры и Бандеры в статусе героев (почти вдвое превышающей оценку их как антигероев) должен вдохновлять тех ученых, общественных деятелей и граждан, которые поддерживают и продвигают эти символы украинского прошлого.

Образы деятелей отдаленного прошлого — Хмельницкого и Мазепы — меньше предыдущих подвержены влиянию актуальных социальных и политических интересов, будучи меньше задействованы в обосновании политических позиций. Однако по этим же причинам они в большей степени оказываются зависимыми от перипетий символической борьбы в академическом поле: Хмельницкий определяется как важная фигура советской версии украинской истории, Мазепа — украинской. В оценке украинскими студентами Мазепы количественно преобладает инновационная по характеру точка зрения “Мазепа-герой”. Почти втрое ниже поддержка традиционной по характеру оценки “Мазепа-антигерой”. Другими словами, “украинское видение” значения этого персонажа преобладает количественно, но требует воли и уверенности, однако “советская” его оценка — традиционна по характеру. Такое распределение оценок также можно связать с изменением парадигмы школьного и вузовского курсов истории Украины.

В отношении к Хмельницкому эти изменения выражаются в том, что оценки “Хмельницкий-антигерой” и “трудно сказать” приобретают традиционный характер, “нормализуются”. Именно так можно объяснить тот факт, что варианты оценки этого персонажа не дают статистически значимого различия между долями женского и мужского выбора. Количественно же преобладает среди других традиционных по характеру оценок точка зрения “Хмельницкий-герой”. Более того, она демонстрирует наивысший уро-

вень поддержки среди оценок всех исторических персонажей, что говорит об особом характере этого символа.

Оценка украинскими студентами исторических фигур демонстрирует также *региональные различия* (табл. 3). В выборке нашего исследования Центральный регион объединяет студентов ВУЗов Киевской, Житомирской и Днепропетровской областей, Южный — Одесской и Запорожской областей и Симферополя, Западный — Львовской и Ривненской областей, Восточный — Харьковской и Луганской областей.

Таблица 3

Уровень признания героями по регионам, %

Исторические фигуры	Массив, N = 3057	Центр, N = 961	Юг, N = 460	Восток, N = 1170	Запад, N = 456
Богдан Хмельницкий	79,2	79,0	77,8	76,5	88,8*
Иван Мазепа	56,8	60,5**	53,3	49,0*	73,7*
Симон Петлюра	31,0	35,0**	26,7	20,8*	53,5*
Степан Бандера	30,9	34,2	20,0*	17,8*	68,4*
Владимир Ленин	26,0	22,8**	26,7	34,8*	9,7*
Иосиф Сталин	13,4	10,7*	12,2	19,5*	4,4*

* Статистически значимые различия на уровне 1% в сравнении с массивом в целом.

** Статистически значимые различия на уровне 5%

Таблица 4

Уровень признания антигероями по регионам, %

Исторические фигуры	Массив, N = 3057	Центр, N = 961	Юг, N = 460	Восток, N = 1170	Запад, N = 456
Иосиф Сталин	60,81	62,43	62,17	53,08*	76,97**
Владимир Ленин	38,73	38,81	38,26	30,34*	61,40**
Степан Бандера	19,63	14,26	25,00*	26,75*	7,46**
Симон Петлюра	16,13	12,59	19,78	21,11*	7,89**
Иван Мазепа	10,73	9,26	10,87	14,53*	4,17**
Богдан Хмельницкий	3,11	2,91	3,91	3,76	1,10

Таблица 5

Средний показатель доли отказавшихся от ответа, %

Массив, N = 3057	Центр, N = 961	Юг, N = 460	Восток, N = 1170	Запад, N = 456
4,7	8,3	4,6	4,2	2,2

Наиболее заметные различия в оценках демонстрируют студенты Восточного и Западного регионов. В оценке исторических фигур XX века (Бандеры, Петлюры, Ленина, Сталина) симпатии респондентов распределяются в пользу советских (в Восточном регионе) и украинских (в Западном регионе). Следует лишь обратить внимание на то, что поддержка Бандеры и Петлюры в Восточном регионе более чем в два раза превышает поддержку Ленина и Сталина в Западном. В Центральном регионе в сравнении с массивом в целом

симпатии к названным украинским героям также несколько выше, чем к советским. Единственным отличием результатов опроса по Южному региону в сравнении с массивом в целом стала более низкая оценка Бандеры.

Таким образом, региональные распределения симпатий к украинским и советским историческим фигурам XX века подтверждают уже ставшие стереотипами представления о просоветских ориентациях Восточного региона и проукраинских — Западного. Объяснения такого положения дел как с точки зрения социально-политических, экономических, языковых различий и культурных ориентаций, так и с точки зрения укорененности советской или украинской версий украинской истории достаточно известны¹. Однако в отношении к фигурам Хмельницкого и Мазепы, представляющих в исследовании персонажи более отдаленной украинской истории, региональные различия выражены значительно слабее. Более того, эти персонажи возглавляют иерархию популярности исторических героев во всех регионах. Иерархия популярности антигероев совпадает во всех регионах и воспроизводит в обратном порядке иерархию исторических героев по массиву в целом (табл. 4).

Как отмечалось выше, отношение к прошлому, а также оценки исторических фигур обусловлены актуальностью этой темы для массового сознания. Социальная распределенность интереса к прошлому связана со степенью осознания разрыва с ним как одним из аспектов переживания социальных изменений. Показателем заинтересованности темой прошлого в данном исследовании служит доля респондентов, отказавшихся от ответа на интересующие нас вопросы (табл. 5). Межрегиональное сравнение здесь, как видим, выявляет оппозицию центр — периферия: наименее заинтересованными исторической тематикой оказываются студенты Центрального региона. Среди остальных регионов выделяется позиция Западного, где доля не ответивших на вопросы об исторических фигурах минимальная, вчетверо ниже, чем в Центре и вдвое ниже, чем в целом по массиву. Это также говорит в пользу предположения об отличиях в отношении к прошлому и истории украинцев в Западном регионе. К имеющимся объяснениям по этому поводу [Кононов, 2005] можно добавить, что объективации прошлого здесь в значительно большей степени включены в пространство повседневных взаимодействий, например, городского населения. Имеются в виду разнобразные артефакты прошлого (здания, сооружения, памятники и т. п.). К тому же эти объективации маркированы как прошлое, история и пребывают в особом статусе достойных внимания, почитания, уважения.

Обсуждая отличия в отношении к прошлому, которые демонстрируют студенты Западного региона, особенно следует обратить внимание на характер иерархии исторических героев: она повторяет иерархию героев в целом по массиву. При уже отмеченном более высоком уровне популярности украинских исторических персонажей по сравнению с советскими Западный регион не демонстрирует принципиальных содержательных отличий в приоритетах. Отличия касаются лишь интенсивности высказывания точки зрения по поводу исторических персонажей, что также связано с характером отношения к прошлому.

В пользу такого объяснения говорит и тот факт, что фигура Хмельницкого в статусе героя получает у студентов Западного региона еще более высо-

¹ См.: [Середа, 2006; Кононов, 2005; Кононов, 2008].

кую оценку, чем в целом по массиву (88,8% против 79,2%). Хмельницкий как персонифицированный символ, несмотря на наличие противоположных оценок, заявляет о себе как ведущая фигура в символическом пространстве украинского прошлого. Вне зависимости от академической интерпретации и политической оценки его деятельности, Хмельницкий является наиболее известным, знакомым символом украинского, в том числе благодаря его присутствию в советском символическом пространстве, доминировавшем (хотя бы официально) на территории Украины в ближайшем прошлом. Именно оно оставило и многочисленные культурные репрезентации этого символа в виде названий бульваров и улиц, многочисленных памятников, среди которых известная конная статуя в Киеве, силуэт которой часто используется для обозначения украинского, в мемориальных досках и т. п. Уже во времена независимости именно Хмельницкий стал одним из символов, изображенных на денежных знаках Украины. Важна также распространенность разнообразных визуальных изображений Хмельницкого, благодаря чему аудитория “знает его в лицо” и может объединять этот символ с представлениями об этнонациональной специфичности украинского. Немаловажным фактором анализируемой оценки образа Хмельницкого является и то, что он герой успешный и мужественный. Другими словами, оценка студентами фигуры Хмельницкого свидетельствует о кумулятивном влиянии разнообразных культурных практик использования символов прошлого и выявляет, независимо от академических или идеологических оценок, наиболее известный и популярный персонифицированный символ украинской истории.

Выводы

Использование концепций памяти (коллективной, социальной, исторической и т.д.) для изучения отношения к прошлому в современном украинском обществе требует учета характера и неоднородностей происходящих постсоветских трансформаций. В центре тематики отношения к прошлому и его использования оказываются символы прошлого, их конфигурации и интерпретации, представляющие собой “сегмент” украинского символического пространства. Анализ оценки персонифицированных символов прошлого украинскими студентами показывает, что для объяснения отношения к прошлому необходимо дополнить уже существующие объяснительные модели (оппозиция украинское–советское, региональные различия) динамическим представлением символического пространства украинского. Особое внимание, в том числе в практическом контексте, привлекают общезначимые символы украинской истории (Хмельницкий), социокультурный потенциал которых требует дальнейшего изучения.

Литература

- Адорно Т. Что означает “проработка прошлого” // Неприкосновенный запас. — 2005. — №40–41 (2-3/2005). — <<http://www.nz-online.ru/index.phtml?aid = 30011356>>.
- Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. — М., 2004.
- Бурдые П. Общественное мнение не существует // Социология политики. — М., 1993. — С. 159–178.
- Бурдые П. Политические позиции и культурный капитал // Бурдые П. Социология политики. — М., 1993. — С. 99–158.

Делез Ж. Эмпиризм и субъективность: опыт о человеческой природе по Юму. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза. — М., 2000.

Дубин Б. Бремя победы // Критическая масса. — 2005а. — №2. — <<http://magazines.russ.ru/km/2005/2/du6.html>>.

Дубин Б. Конструкция власти и репродукция власти: механизмы забывания и повторения // Пути России: преемственность и прерывистость общественного развития / Под ред. А.М.Никулина. — М., 2007а. — С. 100–110.

Дубин Б. Общество: Союз телезрителей // Ведомости. — 2006а. — 30 мая. — <<http://www.yavlinsky.ru/news/index.phtml?id = 2906>>.

Дубин Б. От традиции к игре: культура в социологическом проекте Юрия Левады // Новое литературное обозрение. — 2007б. — № 87. — <<http://magazines.russ.ru/nlo/2007/87/du14-pr.html>>.

Дубин Б. Старое и новое в трех телеэкранизациях 2005 года // Новое литературное обозрение. — 2006б. — № 78. — <<http://magazines.russ.ru/nlo/2006/78/du16.html>>.

Дубин Б. Точка, линия, дата, или Год, которого не стало // Новое литературное обозрение. — 2007в. — № 84. — <<http://magazines.russ.ru/nlo/2007/84/du16.html>>.

Кононов И.Ф. Донбасс и Галичина: межрегиональное взаимодействие и изменения пространственных характеристик украинского общества // Методология, теория та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства : Збірник наукових праць. — Харків, 2005. — С. 276–187.

Кононов И.Ф. Донбас і Галичина: проблема управління міжрегіональними стосунками // Сучасні соціальні проблеми у вимірі соціології управління : Збірник наукових праць. Сер.: Спеціальні та галузеві соціології. — Донецьк, 2008. — Вип. 4(94). — С. 218–227.

Кустарев А. Практики обращения к прошлому в постперестроечной России: нарратив и инвокация // Ab Imperio. — 2004. — № 4. — <<http://abimperio.net/cgi-bin/aishow.pl?state = portal/toc/42004r&idlang = 2>>.

Лоуэнталь Д. Прошлое — чужая страна. — СПб., 2004.

Міхеева О.К. Організоване забуття та феномен пригадування (на прикладі пам'ятників Донецька) // Критика. — 2006. — 9 (107, вересень). — С.9.

Макеев С., Патракова А. Региональная спецификация социокультурных различий в Украине // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2004. — № 3. — С. 109–125.

Малюкевичус Н. М'яка сила проти інформаційної геополітики: межі російської інформаційної політики в пострадянській державі // Незалежний культурологічний часопис "Г". — 2007. — №50. — <<http://www.ji.lviv.ua/n50texts/malukevichus.htm>>

Новые социальные неравенства / Под ред. С.Макеева. — К., 2006.

Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. — 2005. — №40–41 (2–3/2005). — <<http://www.nz-online.ru/index.phtml?cid = 10010434>>.

Портнов А. Упражнения с историей по-украински // Ab Imperio. — 2007. — № 3. — <<http://abimperio.net/cgi-bin/aishow.pl?idlang = 2&state = shown&idnumb = 63>>.

Рикёр П. Память, история, забвение. — М., 2004.

Савельева И., Полетаев А. Знание о прошлом. Теория и история : В 2-х т. — СПб., 2003. — Т. 1. — С. 241.

Серета В.В. Аналіз зв'язку преференцій респондентів Львова і Донецька щодо національного минулого з їх соціально-демографічними характеристиками // Методология, теория та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства : Збірник наукових праць : У 2-х т. — Харків, 2008. — Т 2. — С. 252–257.

Символ в системе культуры // Лотман Ю.С. Семиосфера. — СПб., 2001. — С. 240–249.

Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. — 2005. — № 40–41 (2–3/2005). — <<http://www.nz-online.ru/index.phtml?cid = 10010434>>.

Ямпольский М. Смерть в кино // Искусство кино. — 1991. — №9. — С.53–63.

Kansteiner W. Finding Meaning in Memory: A Methodological Critique of Collective Memory Studies // History and Theory. — 2002. — Vol. 41. — № 2 (May). — P. 179–197.

Olic J.K., Robbins J. Social Memory Studies: From "Collective Memory" to the Historical Sociology of Mnemonic Practices // Annual Review of Sociology. — 1988. — Vol. 24. — P. 105–140.